

Весь Москва - 2004 г. с. 6.

Счастливым человеком с испорченной биографией

ВЛАДИМИР ДОЛИНСКИЙ СЧИТАЕТ, ЧТО ВСЕ ЗЛО НА СВЕТЕ — ОТ НЕДОГОВОРЕННОСТЕЙ

Пресловутая актерская узнаваемость к Владимиру Долинскому пришла с годами, накопилась. Кто-то узнает актера по его ролям в сериалах, кто-то — по нашим любимым фильмам, например, «Тот самый Мюнхгаузен», кто-то — по нынешним антрепризным спектаклям «Слухи», «Человек и джентльмен», «Мышеловка» (кстати, в нем Долинский выходит на сцену в роли женщины), а большинство — по обаятельной роли ведущего телепередачи «Лакомый кусочек». Сегодня Владимиру Долинскому исполняется 60.

— Владимир Абрамович, не раз общаясь с вами, вижу, что вы отлично владеете словом, прекрасно фантазируете, то есть обладаете явными литературными способностями...

— Признаюсь, что я пописываю. Несколько лет назад у меня вышел рассказ «Дольче Вита». У меня есть небольшая повестушка, которая называется «Все, полный писец». Сейчас пытаюсь вместить свои литературные потуги вместе с кулинарными в книгу «Лакомые кусочки жизни Владимира Долинского». В этом мне помогает мой друг писатель Михаил Гуревич. В ней наиболее любопытные рецепты, которыми я делюсь в своей кулинарной программе, будут перемежаться с наиболее интересными этапами моей жизни. То есть в ней будет все: от правительственных банкетов до штрафных изоляторов Лефортовской тюрьмы.

— А что вы еще умеете делать?

— Умею очень быстро загадить пространство, в котором нахожусь, то есть навести сумбур, разбросать вещи: через пять минут ничего не могу найти и сижу, чуть не плачу, ищу какие-то бумажки. На помощь приходит жена Наташа, которая, наоборот, аккуратистка. Какие еще у меня таланты? Не знаю, к чему это отнести: к страсти, увлечению или таланту, но я ужасно люблю рыбачить. Лет семь тому назад, когда было очень мало работы, я месяцами просиживал с удочкой на Истре. И это были, с одной стороны, страшные годы, потому что незадействованный артист... С другой стороны, это были годы счастья. Говорят же, что Бог вычитает из твоего жизненного срока годы, проведенные на рыбалке. В это время ты настолько сливаешься с природой... Я обожаю рассветы: этот утренний туманчик, когда ты еле-еле через пять метров от себя видишь качающийся на мелкой ряби поплавок, который вдруг начинает оживать, ты чувствуешь, что кто-то там возится с крючком. Ты подсекаешь, и — о, горе! — вдруг рыба срывается, и ты понимаешь, что она тебя перехитрила. Мне кажется, что в те моменты тебе больнее, чем когда от тебя уходит любимая женщина.

— Вы о своей страсти говорите, как юноша, а у вас шестидесятилетний юбилей...

— Что такое старение или приближение старости? Я это формулирую двумя словами — притупление желаний. Да, и сейчас люблю рыбачить, но не так, как я любил это лет шесть-семь назад. Я очень люблю женщин. Но разве так я их любил десять, двадцать, тридцать лет тому назад? Чтобы обнять в подъезде

любимую девушку, я шел в домашних тапочках по февральской Москве, почти на другой конец города.

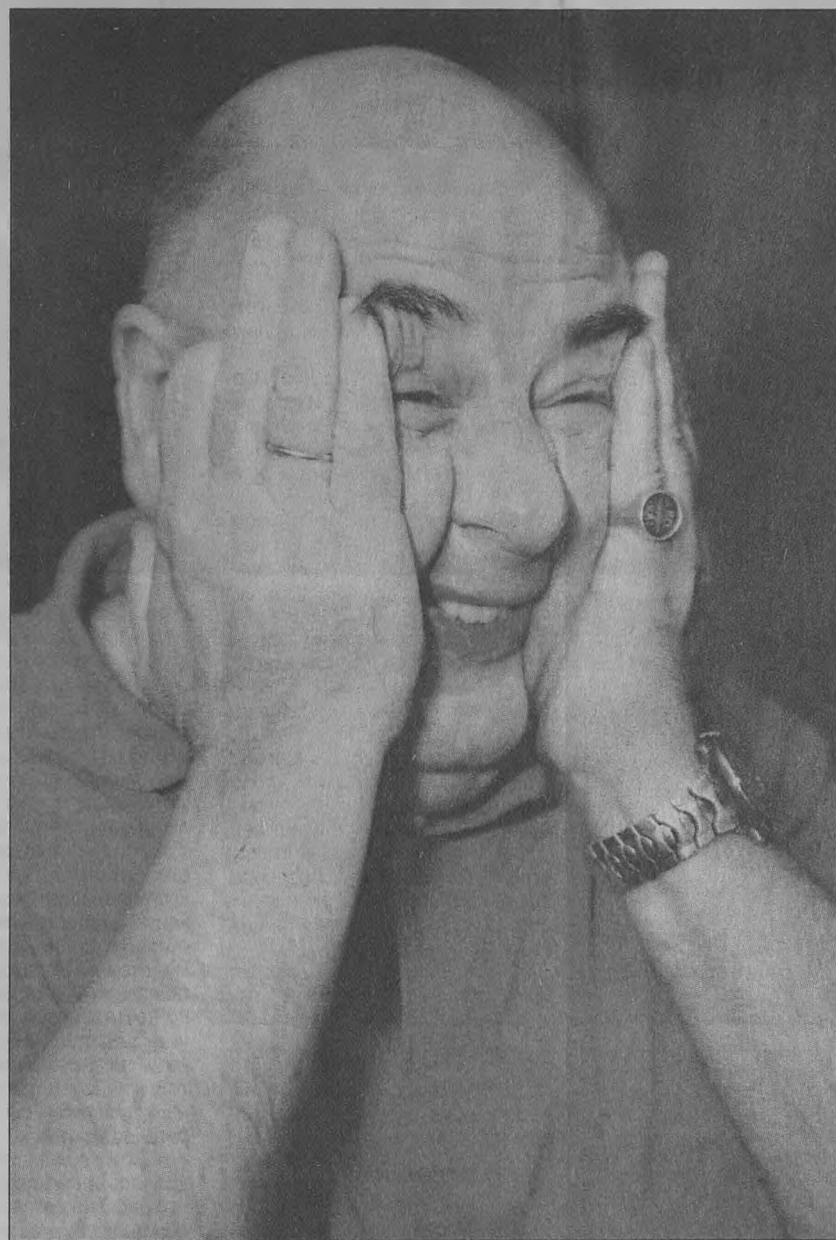
— Но, наверное, вы это уже не сделали бы и в сорок лет...

— Конечно, в сорок лет я бы уже, наверное, поехал на машине через заснеженную Москву, а сейчас, честно говоря (смеется) думаешь: перейти из одной комнаты в другую или нет? Нет той страсти, горения. Пожалуй, незыблемым осталась любовь к театру, кино, любовь к своей профессии. Когда я был мальчишкой, думал: «Какие счастливые люди — таксисты. Они и машинку водят, и еще денежку за это получают». И вот так же точно я до сих пор думаю о своей профессии: «Я и удовольствие получаю, и аплодисменты, и автографы у меня просят, и подарки дарят, и еще денежки за это платят». Правда, мне кажется, что никакую другую профессию нельзя так любить.

— Как вы считаете, талантливый человек должен стремиться повлиять на свою судьбу, делая для этого что-то, чтобы пробиться, а не просто мечтать?

— Конечно. Актер должен быть не только талантлив, но и очень честолюбив. Обязательно. Он должен расстраиваться, когда партнеру больше хлопают. Не надо озлобляться, но стремиться быть первым в этом спектакле необходимо. Театр — это в определенной степени гонка за лидером. Я помню себя лет с шести-семи. И вот в таком возрасте я мучил, буквально насилывал приходящих к нам гостей — прямо в коридоре вставал на стул и говорил: «Слушайте, я вам стихи читать буду». И когда они не слушали, я обижался. А моя дочь обречена хотеть стать актрисой, потому что в нашей семье все крутится вокруг этого. Но я не вижу у нее страсти. Ей было очень приятно, когда Грачевский снял ее в «Ералаше», когда она пару дней снималась в сериале «Спасатели». Ей приятна эта тусовка, но пока я не видел у нее горения, внутреннего тремора. Может быть, это еще придет.

Я сам долго шел к своему актерству. Меня выгнали из института. Потом вылетел из одного театра, а в другой поступил на рабских условиях. Стал ведущим актером, потом посадили в тюрьму, и я вернулся с испорченной биографией. А ведь это непросто, когда на тебя показывают пальцем: «Он сидел за валюту?» Потом мне снова дали по башке. Я подрался, опять никуда не брали. Взял в свой театр Марк Розовский, и я шаг за шагом поднимался... Конечно, если бы я

был администратором своей судьбы, если бы мне не приходилось часто все начинать с нуля, я мог бы достичь большего. Но мне нравится мое сегодняшнее положение, потому что я знаю, что все это я сделал своими руками. Хотя и не без помощи своих друзей, коллег.

— Зрители всегда задаются вопросом: насколько тот или иной артист похож на своих персонажей? Что вы на это скажете?

— Не знаю. Скажем, один великий артист, работавший в театре Вахтангова, переиграл массу разных персонажей: от героических до острохарактерных, а в жизни был неинтересным, необаятельным человеком. Говорят, что достаточно скучным был в компаниях Аркадий Райкин. Конечно, актер не может быть совсем нулем, но он носит в себе эмбриончики своих героев, и они там так сгнаны

лированы, что не всегда легко распознаваемы. Ты иногда теряешь, не знаешь — какой ты настоящий.

— Сейчас вы играете только в антрепризах. Но слышала, что Ширвиндт приглашает вас вернуться в Сатиру...

— Да, мы встретились с Александром Анатольевичем. Мы с ним вместе работали в театре Сатиры всего три года, и меня нет там уже с 70-го года, то есть 34 года. Я очень критично отношусь к тому, что делал и ко всему, что со мной происходило, даже с тюрьмой. Я тогда нарушил правила с валютой, существующие в нашей стране, и за это получил. Другое дело, что правила эти были ненормальными. Но я считаю совершенно несправедливым то, что Плучек из-за своей нелюбви к «Кабачку» разделался со мной.

— Но он же не разделался с другими...

— А я был легкой добычей. Молодой, шkodливый, мог опоздать. Поэтому до сих пор театр Сатиры — моя боль и моя любовь. И, конечно, я с огромным удовольствием сыграл бы там.

— Но не пошли бы в штат?

— Нет, есть чудное слово «договориться». Ты идешь на договор, а не в рабство. Я вообще считаю, что все зло на свете из-за недоговоренностей.

— С возрастом вы стали терпимее относиться к недостаткам других людей, к тому, что вам что-то недодали, подвели и т. д.?

— Конечно, на что-то уже обращаешь меньшее внимание. Человек за свою жизнь учится двум вещам: ждать и догонять. Думаю, что если бы у меня был теперешний опыт и умение смотреть на какие-то вещи по-другому, то я бы и не разводился со своими четырьмя женами, а жил бы со своей первой. То, что меня в ней не устраивало, сейчас кажется просто смешным.

— А разве чувства не проходили?

— Острота чувств проходит. Отношения переходят в более устойчивые. У меня на эту тему вообще своя философия. Я считаю, что любовь мужчины и женщины с годами, не в период брачных игр, сводится просто к желанию быть вместе. Вот я ухажу, и мне через пятнадцать минут хочется быть вместе с женой. Я сижу в ресторане с друзьями и переживаю: «Как жалко, что ее нет рядом. Мне бы так хотелось, чтобы она тоже это попробовала». Играю спектакль, а в паузе думаю: «Ох, хорошо, сейчас приеду домой, Наташа уже накрыла стол, мы с ней сядем вместе, поужинаем, выпьем рюмочку».

— А что такое настоящая дружба, тоже разобрались?

— Никто лучше, чем Светлов, не сказал: «Дружба — понятие круглосуточное». По-моему, это готовность человека в ущерб себе: карьере, материальному достатку, удобству (даже не жизни) помочь другому человеку, которого ты любишь.

— А в зрелом возрасте у вас появились друзья?

— Нет, только близкие товарищи. Ни одного человека из вновь поступивших я не могу назвать близким другом. Не знаю, может быть, два человека из них уже мои друзья, но время это еще не проверило. И, может быть, и не надо, потому что быть хорошим товарищем — это тоже очень, очень здорово. А друзей не может быть много.

— Каковы ваши юбилейные итоги? Считаете ли себя счастливым человеком?

— Да, я вообще считаю, что у меня счастливая судьба. И слава Богу, что живы и здоровы и мои близкие, и я сам. Пусть это несколько шаблонные слова, но я умею радоваться небольшому: вкусной котлетке, хорошей погоде, новым брюкам, дочкой пятёрке, красиво покрашенным волосам жены...

Беседовала
Марина ЗЕЛЬЦЕР